БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА“.

Томъ XIX.

ИСТИННЫЙ ДРУГЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

(Докторъ Ѳедоръ Петровичъ **ГААЗЪ**).

Съ портретомъ и 2 рис. въ текстѣ.

Составила по біографическому очерку А. Ѳ. Кони

Клавдія ЛУКАШЕВИЧЪ.

Изданіе журнала „Игрушечка“.

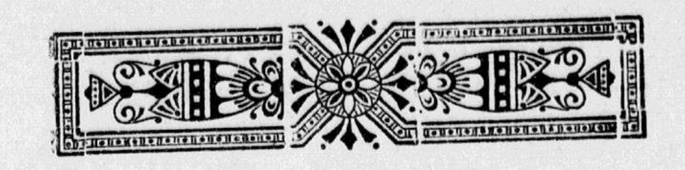
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900.

Дозволено ценз. СПБ., 24 ноября 1900 г.

Типогр. Минист. Путей Сообщ.
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°),
Фонтанка, 117.

Д-ръ Гаазъ.

I.

На правомъ берегу Москвы-рѣки, противъ Дѣвичьяго поля и знаменитаго монастыря, холмистою грядою возвышаются Воробьевы горы. Восхитительный видъ открывается съ этихъ горъ. Видна почти вся Москва съ золотыми маковками сорока-сороковъ своихъ церквей,

*

съ красивыми башнями, постройками сѣдой старины, съ зеленью садовъ и бульваровъ. Прекрасенъ видъ съ холмовъ Воробьевыхъ горъ, но не радостные взоры людей окидывали оттуда златоглавую Москву. Въ сороковыхъ годахъ здѣсь въ мрачныхъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ находилась пересыльная тюрьма. Каждый годъ черезъ эту тюрьму проходило болѣе 6.000 человѣкъ арестантовъ, отправляемыхъ

въ Сибирь. Отправленіе арестантовъ происходило по понедѣльникамъ.

Былъ одинъ изъ такихъ понедѣльниковъ. Стояло жаркое лѣто. День былъ солнечный, знойный, душный... По пыльной дорогѣ къ Воробьевымъ горамъ ѣхала пролетка. Колеса ея звенѣли и дребезжали и поскрипывали, грозя ежеминутно развалиться; кожаный фартукъ, прикрывавшій груду корзинъ и самого хозяина, былъ весь

въ заплатахъ, какъ и сама пролетка. На козлахъ сидѣлъ неуклюже старикъ кучеръ въ порыжѣломъ кафтанѣ и правилъ парою разношерстныхъ клячъ, разбитыхъ на ноги. Самъ хозяинъ, заставленный корзинами и ящиками, такъ что изъ-за нихъ едва виднѣлся,—былъ очень странный и даже смѣшной человѣкъ. Это былъ старикъ широкоплечій, сутуловатый, съ крупными выразительными чертами лица,

съ большими голубыми глазами. Онъ былъ одѣтъ въ черный фракъ съ большимъ бѣлымъ жабо и съ владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ; на головѣ его его виднѣлся рыжій парикъ.

При встрѣчѣ съ дребезжащей пролеткой и съ сидѣвшимъ въ ней старикомъ въ смѣшномъ костюмѣ, какого въ то время больше никто не носилъ,—многіе прохожіе останавливались и снисходительно улыба-

лись... Всѣ знали, что это «докторъ Ѳедоръ Петровичъ» ѣдетъ къ своимъ несчастнымъ. Иной шутникъ и подсмѣется, скажетъ: «эхъ, и доктору вмѣстѣ съ кучеромъ и лошадьми будетъ лѣтъ четыреста, а то и больше»... А другіе встрѣчные, большею частью, простолюдины и бѣдняки, провожали старика въ рыжемъ парикѣ умиленнымъ, благодарнымъ взглядомъ и въ слѣдъ дребезжащей пролеткѣ неслись

благословенія и тихій шопотъ: «батюшка-родной», «святой нашъ докторъ», «Божій человѣкъ»...

На тюремномъ дворѣ уже собралась партія арестантовъ. Ихъ было около 100 человѣкъ. Слышался сдержанный говоръ, плачъ, перебранка и звонъ цѣпей; виднѣлись мрачныя, озлобленныя лица; нѣкоторые съ обритыми до половины головами имѣли видъ призраковъ. Около воротъ тюрьмы толпился народъ:

любопытные и провожавшіе родственники несчастныхъ.

Когда къ тюрьмѣ подъѣхала дребезжащая пролетка, и на дворѣ показался высокій сутуловатый старикъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ жабо,—то всѣ головы, бритыя и не бритыя, обернулись къ нему, и на мрачныхъ, отчаянныхъ лицахъ мелькнуло что-то свѣтлое, радостное... А нѣжные, ласковые голубые глаза старика глянули на этихъ несчастныхъ съ участіемъ и съ беззавѣтной добротой. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ арестантамъ, сталъ разговаривать, утѣшать, увѣщевать, выслушивать ихъ жалобы, раздавалъ имъ деньги, съѣстное, книги и вступался за нихъ передъ ихъ начальствомъ: однихъ просилъ оставить по болѣзни, для другихъ—слабыхъ, хлопоталъ о позволеніи ѣхать на телѣгахъ, а не итти пѣшкомъ; а когда одного арестанта такъ не-

умѣло заковали, что нога его оказалась въ крови, и онъ не могъ встать отъ боли, то «Өедоръ Петровичъ» велѣлъ его расковать, принявъ на себя отвѣтственность за возможный побѣгъ.

Передъ отходомъ партіи, послѣ переклички, арестанты построились, стали креститься на церковь, падали на колѣни, прощались и плакали...

Затѣмъ каждый подходилъ къ старику въ рыжемъ

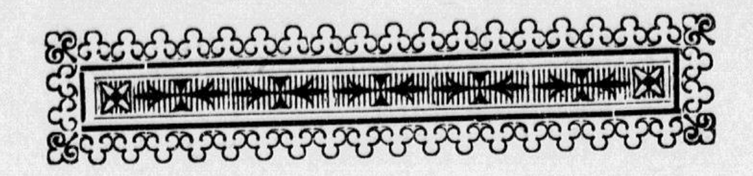
парикѣ; ему цѣловали руки и благословляли; «спасибо тебѣ, Өедоръ Петровичъ, за все добро... Спаси тебя, Господь!... и голоса прерывались слезами. Өедоръ Петровичъ прощался съ каждымъ, нѣкоторыхъ цѣловалъ, давалъ всѣмъ совѣты и говорилъ ободряющія слова и самъ молился за нихъ.

Партія, звеня цѣпями, медленно двинулась по «владимиркѣ», т. е. по Владимирской дорогѣ. Встрѣч-

ные москвичи, торопливо вынимая подаяніе и передавая его несчастнымъ, замѣчали, что съ партіей идетъ старикъ во фракѣ, съ владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ черныхъ заштопанныхъ чулкахъ. Москвичей не удивляла эта встрѣча. Всѣ знали, что это Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, что его любящей душѣ близки нужды несчастныхъ и всѣ горести, которыя предстоятъ

имъ въ долгомъ пути. Онъ проводитъ ихъ далеко за Москву, утѣшая и наставляя... А благодарныя сердца унесутъ съ собою свѣтлую память о человѣкѣ, который думаетъ о нихъ, заботится и страдаетъ, и эти воспоминанія будутъ для нихъ единственнымъ утѣшеніемъ.

II.

Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ былъ родомъ нѣмецъ. Онъ родился 24 августа 1780 г. въ старинномъ живописномъ городкѣ Мюнстерэйфелѣ, около Кельна, гдѣ отецъ его былъ аптекаремъ. Семья Гааза была большая: пять братьевъ и три сестры. Лучшимъ счастіемъ этой семьи—была

взаимная любовь и поддержка. Отецъ, несмотря на то, что былъ очень не богатъ, всѣмъ дѣтямъ далъ хорошее образованіе. Фридрихъ Гаазъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ особенно усердно занимался изученіемъ глазныхъ болѣзней.

Случайно молодого врача пригласили къ заболѣвшему русскому вельможѣ Репнину. Гаазъ вылѣчилъ его, и благодарный паціентъ уговорилъ его ѣхать въ Москву.

Талантливый, энергичный и отзывчивый на все доброе, молодой врачъ очень скоро освоился, полюбилъ русскую столицу и пріобрѣлъ въ ней огромную практику. Успѣхъ его лѣченія былъ выдающійся; особенно искусно лѣчилъ онъ глазныя болѣзни. Гааза приглашали на разныя трудныя операціи и консультаціи, и ему были открыты всѣ московскія больницы. Бѣдныхъ онъ пользовалъ не только без-

платно, но часто и самъ помогалъ имъ и охотно шелъ днемъ и ночью на первый зовъ.

Вскорѣ молодой искусный врачъ былъ принятъ по приказу Императрицы на русскую службу, главнымъ врачемъ Павловской больницы, но и здѣсь онъ не оставлялъ своихъ заботъ о больныхъ глазами и постоянно посѣщалъ ихъ въ различныхъ заведеніяхъ Москвы. Ѳедоръ Петровичъ очень высоко ставилъ дѣя-

тельность врача и постоянно высказывалъ это и доказывалъ на дѣлѣ:

«Врачъ долженъ относиться къ больнымъ чистосердечно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ дружеской заботой объ ихъ нуждахъ съ тѣмъ расположеніемъ, какое отецъ имѣетъ къ сыну»,—писалъ онъ въ своей инструкціи врачамъ.

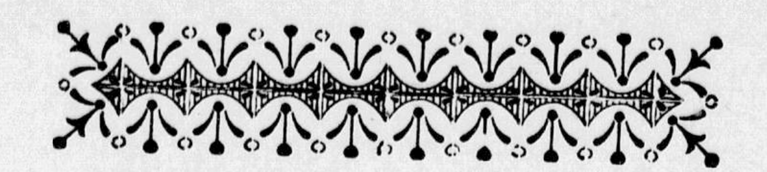
Въ 1812 году Гаазъ былъ зачисленъ въ дѣйствующую армію и по окончаніи войны вышелъ

въ отставку и поспѣшилъ въ Мюнстерэйфель. Туда призывалъ его умирающій отецъ. Ѳедоръ Петровичъ засталъ всю семью въ сборѣ около постели старика. Отецъ несказанно обрадовался любимому сыну. «Нынѣ отпущаеши, Господи, раба Твоего съ миромъ»,—повторялъ онъ, благословляя сына, на рукахъ котораго скончался. Похоронивъ отца и погоревавъ надъ его свѣжей могилой, Гаазъ снова сталъ

собираться въ путь. Его неудержимо тянуло въ страну, которую онъ полюбилъ и гдѣ такъ успѣшно работалъ на общую пользу. Онъ вернулся въ Россію, очень скоро изучилъ русскій языкъ и слился душою съ русскимъ народомъ, понявъ и полюбивъ его той великою общечеловѣческою любовью, которая не дѣлаетъ различія между нѣмцемъ и русскимъ. Съ нимъ уѣхала и его сестра Вильгельмина. Но она скоро

должна была покинуть любимаго брата, такъ какъ умерла ея сестра, и она должна была замѣнить мать ея сиротамъ.

III.

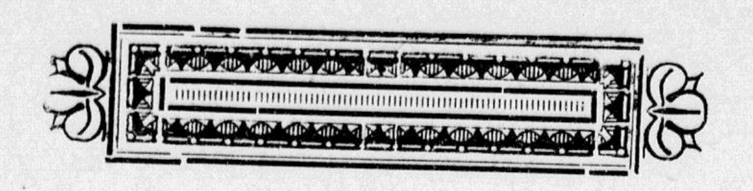
Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ врачей Москвы. Его приглашали всюду, и больные пріѣзжали къ нему издалека. Онъ былъ совершенно безкорыстенъ и охотно лѣчилъ безвозмездно, но обширная практика да-

вала ему въ то время большія средства. Гаазъ велъ жизнь серіознаго, обезпеченнаго человѣка и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Въ Москвѣ у него былъ хорошій домъ, а подъ Москвою имѣніе и суконная фабрика. Одѣвался Ѳедоръ Петровичъ въ костюмъ своихъ молодыхъ лѣтъ, напоминавшій прошлое столѣтіе. Онъ носилъ черный фракъ, бѣлое жабо и манжеты, короткіе до колѣнъ панталоны, черные шелко-

вые чулки, башмаки съ пряжками довершали костюмъ. Волосы онъ пудрилъ и собиралъ сзади въ широкую косу съ чернымъ бантомъ, а затѣмъ, когда сталъ терять волосы, то носилъ небольшой рыжеватый парикъ. Ѣздилъ Гаазъ, по тогдашней модѣ цугомъ, на четверкѣ бѣлыхъ лошадей. Жизнь баловала его и сулила ему полное довольство и радости, но не этотъ путь избралъ отзывчивый, любящій докторъ.

Онъ избралъ тотъ путь, по которому идутъ не многіе: путь безкорыстнаго служенія людямъ и полнаго забвенія себя.

IV.

Въ 1835 году московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ пригласилъ Ѳедора Петровича въ члены комитета вновь учрежденнаго общества попеченія о тюрьмахъ. Гаазъ отвѣтилъ на приглашеніе горячимъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что съ радостью всего себя отдаетъ новому

дѣлу. Дѣйствительно, съ новымъ дѣломъ началась для него и новая жизнь.

Увидѣвъ тюрьмы, столкнувшись съ жизнью арестантовъ, Ѳедоръ Петровичъ, вѣроятно, испыталъ сильное душевное потрясеніе... Но мужественная душа его не убоялась мрачныхъ картинъ; онъ не отвернулся отъ нихъ съ трепетомъ и соболѣзнованіемъ и не ушелъ. Онъ весь проникся состраданіемъ къ «несчастнымъ», какъ зо-

веть преступниковъ простой народъ, и сталъ трудиться надъ смягченіемъ ихъ тяжкой жизни, желая направить ихъ на путь добра. Ѳедоръ Петровичъ былъ увѣренъ, что излишняя жестокость не исправитъ порочнаго человѣка; что прежде всего нужно относиться къ виновному справедливо, безъ жестокости, нужно оказывать состраданіе несчастному и помощь больному. И тогда, какъ знать... вѣдь и закоренѣлые преступники не безнадежны къ исправленію.

Однако, не всѣ смотрѣли на «несчастныхъ», какъ докторъ Гаазъ. Находились многіе, которые думали, что за совершенные проступки и злодѣянія виновные должны вѣчно страдать, что не слѣдуетъ имъ оказывать никакого снисхожденія, и надо относиться къ нимъ съ презрѣніемъ. Ѳедоръ Петровичъ горячо вступился за несчастныхъ: онъ прозрѣлъ сквозь ихъ

мрачныя, загрубѣлыя лица образъ человѣка. Съ горячей любовью къ людямъ и къ правдѣ онъ отдалъ всего себя на служеніе несчастнымъ, больнымъ, обиженнымъ судьбою и посвятилъ имъ всю свою жизнь. Ему пришлось итти по тернистой дорогѣ. Многіе не понимали, что за охота богатому, знаменитому доктору вѣчно возиться съ арестантами, просить о смягченіи ихъ участи, хлопотать, добиваться для

нихъ милостей, жалѣть ихъ, даже какъ будто любить. У Ѳедора Петровича оказалось много враговъ и недоброжелателей. Многіе возмущались и негодовали на безпокойнаго доктора, «чудака», какъ его называли. На него посыпались жалобы, доносы, его выставляли человѣкомъ вздорнымъ, неуживчивымъ, утруждающимъ начальство всякими пустяками изъ-за развращенныхъ арестантовъ; писали, что онъ

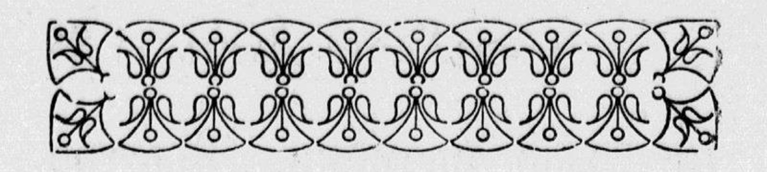
даже цѣлуется съ арестантами...

Гаазъ вступилъ со своими противниками въ борьбу и велъ ее почти 30 лѣтъ. Ни затрудненія, ни придирки, ни обиды, ни столкновенія съ важными сановниками, ни насмѣшки и недоброжелательство, ни даже разочарованіе въ людяхъ—ничто не удерживало, не охлаждало Ѳедора Петровича.

О себѣ думать ему за этими заботами, конечно,

не было времени. Быстро исчезли бѣлыя лошади и красивая карета, была продана суконная фабрика, обветшалъ оригинальный костюмъ: на фракѣ виднѣлись заплаты, а черные шелковые чулки пестрѣли дырочками. Богатый знаменитый докторъ скоро сдѣлался какимъ-то бѣднымъ чудакомъ, который вѣчно хлопоталъ, просилъ, заступался за «несчастныхъ» и отдавалъ имъ каждую свою трудовую копейку.

*

V.

Ужасны и мрачны были картины тюремнаго быта. Въ 1818 году англичанинъ Веннингъ, по порученію Государя, осмотрѣлъ ихъ и составилъ краснорѣчивое подробное описаніе... Государя Александра I тронуло это грустное описаніе, и онъ приказалъ учредить попечительства о

тюрьмахъ. Въ Московскій комитетъ попечительства и вступилъ членомъ «безпокойный» докторъ Гаазъ.

Тюрьмы въ то время были сырыя, мрачныя комнаты съ землянымъ или гнилымъ деревяннымъ поломъ, ниже уровня земли. Свѣжій воздухъ туда почти не проникалъ; свѣтъ проникалъ черезъ узкое окно, покрытое плѣсенью и грязью; если окно бывало выбито, то въ него го-

дами врывались дождь, снѣгъ, морозъ.

Въ тѣсномъ помѣщеніи всего на 50 человѣкъ биткомъ набиты были 200 арестантовъ. Здѣсь были дѣти, старики, мужчины и женщины вмѣстѣ. Между ними изъ-за тѣсноты вѣчно были ссоры и пререканія: негдѣ было прилечь, и невозможно было спать. Многіе заболѣвали заразными болѣзнями и оставались среди здоровыхъ.

Питались арестанты

очень плохо, большею частію, подаяніями сердобольныхъ горожанъ, а если ихъ не было, то «колодники отъ голода очень тощали» и даже умирали отъ «гладной нужи».

Плохо прикрыто было и тѣло колодниковъ. Казеннаго платья не полагалось, а свои лохмотья скоро отказывались служить, и былъ случай, что около 100 человѣкъ арестантовъ оказались «безъ всякой одежды и обуви».

Такія мрачныя картины наводили ужасъ. Добрая, человѣколюбивая душа Өедора Петровича Гааза содрогнулась... Но болѣе всего его поразила отправка на прутѣ. Вотъ какъ это дѣлалось.

Изъ Москвы, изъ пересыльной тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ, каждую недѣлю разъ, а иногда и два раза отправляли ссыльныхъ въ Сибирь. Всѣхъ ссылаемыхъ дѣлили на партіи отъ 8 до 10 человѣкъ.

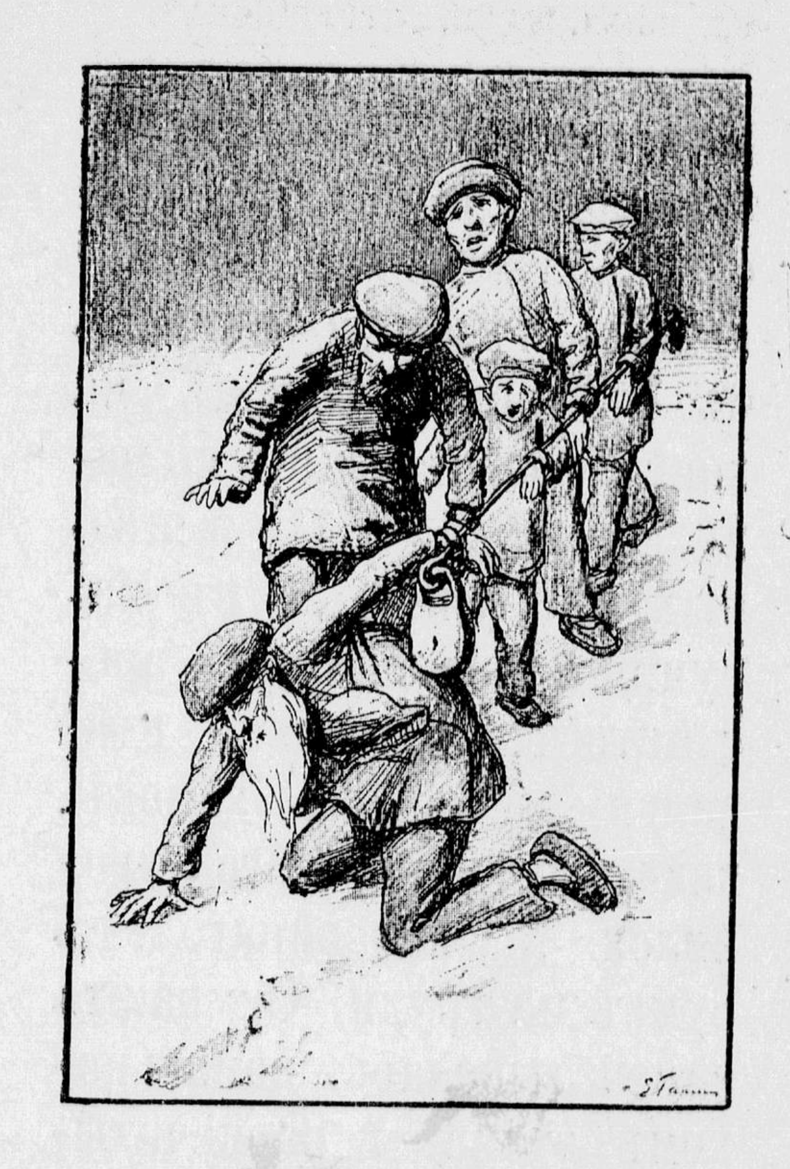

Рис. 1. На прутѣ.

Каждую такую партію нанизывали на прутъ. Толстый, желѣзный, аршинный прутъ былъ сдѣланъ съ большимъ ушкомъ на концѣ; на этотъ прутъ нанизывалось до 10 желѣзныхъ наручней, а въ наручни вдѣвались руки арестантовъ. Въ ушко вдѣвался большой замокъ, ключъ отъ котораго хранился у конвойнаго въ сумкѣ на груди. Сумка эта запечатывалась начальникомъ этапа, и распечаты-

вать ее въ пути не дозволялось.

Сотоварищи по несчастію, нанизанные на прутъ, шли по «владимиркѣ», и много горестей и мученій претерпѣвали они дорогой. Слабые тяготили сильныхъ; крѣпкіе негодовали на немощныхъ; идя они сбивались съ ноги, наступали одинъ на другого, не поспѣвали другъ за другомъ, натирая отъ наручней затекавшія руки; желѣзо наручней не-

выносимо накалялось подъ лучами степного солнца и леденило зимою, причиняя раны и отмораживанія. Во время остановокъ партія не могла отдохнуть, такъ какъ всѣ мѣшали другъ другу. Очень часто дорогой кто нибудь заболѣвалъ, и товарищи волокли больного за собою, осыпая бранью и упреками. Сколько поводовъ былъ тутъ для ссоръ и даже для дракъ.

И такъ двигались на прутѣ по Россіи и по боль-

шому Сибирскому тракту многіе годы десятки тысячъ людей.

Этотъ прутъ страшно взволновалъ Ѳедора Петровича Гааза. Тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ прикованными къ нему не однихъ только осужденныхъ, но и просрочившихъ паспорта, плѣнныхъ горцевъ, заложниковъ, крѣпостныхъ, ссылаемыхъ своими господами, женщинъ и дѣтей. За что страдали всѣ эти люди болѣе, чѣмъ тяжкіе преступ-

ники... Тяжкіе преступники, ссылаемые въ каторжныя работы, шли въ одиночку въ кандалахъ, и хотя эти кандалы были очень тяжелые, но все-таки ихъ путь былъ легче... Много жалобъ и слезныхъ просьбъ услышалъ Өедоръ Петровичъ: ссыльные всегда умоляли отправлять ихъ, какъ каторжныхъ, но только не на прутѣ.

Гаазъ забилъ тревогу. Въ мрачныхъ и яркихъ краскахъ описалъ онъ генералъ-губернатору всѣ ужасныя стороны отсылки на прутѣ; въ комитетъ онъ писалъ докладъ за докладомъ; хлопоталъ и молилъ у разнаго начальства отмѣнить такое препровожденіе несчатныхъ.

По счастію, генералъ-губернаторъ князь Голицынъ имѣлъ сердце, доступное всему доброму. Онъ отнесся сочувственно къ мольбамъ Гааза и самъ сталъ хлопотать объ отмѣнѣ прута. Началось дознаніе,

завелась длиннѣйшая переписка; нашлись защитники прута, начальники этаповъ писали, что прутъ неудобствъ не представляетъ, что отъ прута большихъ ранъ у арестантовъ не замѣчается...

Много надо было энергіи, любви къ правдѣ, состраданія къ людскому горю, чтобы во время долгой, томительной переписки о прутѣ на мѣстѣ Гааза не впасть въ уныніе, а на мѣстѣ князя Голицына не

махнуть на все «рукой». Не такіе это были люди, чтобы сдаться и уступить врагамъ въ дѣлѣ, которое они считали правымъ.

Благороднаго князя Голицына поражалъ среди общаго равнодушія человѣкъ, уроженецъ чужой страны, который стоялъ одиноко, горячо защищая несчастныхъ и страдая ихъ страданіями. Среди роскоши и обаянія власти князь Голицынъ находилъ время серьезно задумы-

мываться надъ страданіями людей и итти на помощь.

Въ то время, когда шла долгая переписка объ отмѣнѣ прута, когда начальство рѣшило замѣнить его цѣпью съ ошейниками, которая все-таки связывала бы между собою арестантовъ,—Гаазъ сталъ думать, чѣмъ бы и какъ замѣнить злополучный прутъ. Онъ приказалъ сдѣлать легкіе кандалы, вѣсомъ въ три фунта и съ цѣпью въ аршинъ. Въ этихъ кандалахъ,

прикрѣпивъ ихъ за среднее кольцо къ поясу, можно было итти довольно долго, не особенно уставая. Кандалы въ 6 фунтовъ казались Ѳеодору Петровичу слишкомъ тяжелыми, желѣзные наручники слишкомъ мучительными, причиняющими раны, особенно зимою.

Когда новые кандалы были готовы, то Гаазъ обратился къ высшему начальству съ горячимъ ходатайствомъ разрѣшить заковывать въ нихъ всѣхъ про-

*

ходившихъ черезъ Москву и хлопоталъ о дозволеніи обшивать наручники кожей. И въ Москвѣ было разрѣшено отмѣнить прутъ, и князь Голицынъ приказалъ «не препятствовать» доктору Гаазу перековывать арестантовъ въ кандалы.

Съ горячей благодарностью встрѣтили ссыльные это облегченіе и прозвали новые легкіе кандалы «газовскими».

Ѳедоръ Петровичъ цѣлые дни проводилъ въ пе-

ресыльной тюрьмѣ на Воробьевыхъ горахъ, хлопоталъ, волновался не пропускалъ ни одной партіи, чтобы не снять прута и не перековывать въ свои облегченные кандалы.

Разсказывали въ Москвѣ, что однажды генералъ-губернаторъ заѣхалъ къ Гаазу по дѣлу. Онъ крайне поразился, заставъ доктора ходившимъ по комнатѣ подъ аккомпанементъ какого-то лязга и звона. Старикъ былъ крайне уто-

мленъ и что-то про себя считалъ. Оказалось, что онъ велѣлъ себя заковать въ свои облегченные кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ столько верстъ, сколько идутъ арестанты въ одинъ переходъ.

— Я хочу знать, каково «имъ» итти въ этихъ кандалахъ,—говорилъ Ѳедоръ Петровичъ.

Когда князь Голицынъ заболѣлъ и сталъ часто уѣзжать за границу, то Гаазъ потерялъ своего великодушнаго заступника...

Начальники этаповъ стали рѣзко отказывать ему перековывать ссылаемыхъ, находили это затруднительнымъ и удивлялись, что за охота доктору распинаться и хлопотать за арестантовъ. Снова встревожился и заволновался Ѳедоръ Петровичъ, снова сталъ безпокоить начальство, просить и умолять... ему отказывали. Новый начальникъ грозилъ совсѣмъ «удалить сего доктора отъ его обязанности».

Тогда Гаазъ рѣшился на крайнее средство: онъ написалъ горячее убѣдительное письмо прусскому королю, Фридриху-Вильгельму IV, въ которомъ рисовалъ мрачную картину препровожденія на прутѣ, умолялъ короля донести объ этомъ своей сестрѣ, русской государынѣ, чтобы она разсказала своему царственному супругу...

Мало-по малу, благодаря необыкновенной энергіи «смѣшного чудака», прутъ

былъ отмѣненъ и замѣненъ «гаазовскими» кандалами.

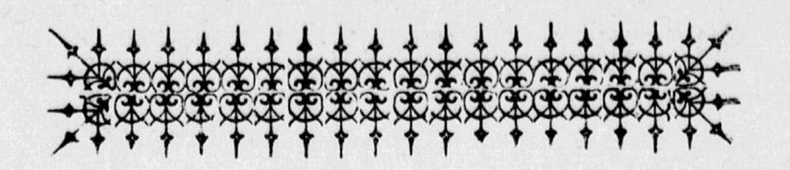
Въ это время благородный князь Голицынъ скончался и съ горестью былъ оплаканъ всѣми москвичами.

Его преемникъ, князь Щербатовъ, очень скоро оцѣнилъ и понялъ чистую душу «безпокойнаго доктора». Онъ сталъ поддерживать его сторожевую службу на Воробьевыхъ горахъ, не давая хода ни-

какимъ на него жалобамъ по перековкѣ арестантовъ.

Но этимъ не кончились невзгоды Ѳедора Петровича, много еще огорченій и обидъ ожидало его впереди.

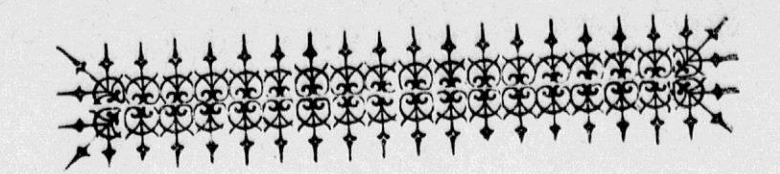
VI.

«Торопитесь дѣлать добро,—писалъ и говаривалъ Гаазъ. — Самый вѣрный путь къ счастію не въ томъ, чтобы самому быть счастливымъ, но чтобы другихъ дѣлать счастливыми». «Надо любить людей, внимать ихъ нуждамъ, заботиться, помогать совѣтомъ и дѣломъ».

какимъ на него жалобамъ по перековкѣ арестантовъ.

Но этимъ не кончились невзгоды Θедора Петровича, много еще огорченій и обидъ ожидало его впереди.

VI.

«Торопитесь дѣлать добро,—писалъ и говаривалъ Гаазъ. — Самый вѣрный путь къ счастію не въ томъ, чтобы самому быть счастливымъ, но чтобы другихъ дѣлать счастливыми». «Надо любить людей, внимать ихъ нуждамъ, заботиться, помогать совѣтомъ и дѣломъ».

Такая свѣтлая безкорыстная любовь къ людямъ прошла черезъ всю жизнь доктора Гааза, но болѣе всего она отразилась на судьбѣ «несчастныхъ». Тутъ его заботамъ, попеченіямъ не было границъ.

Ежедневно разъѣзжалъ Ѳедоръ Петровичъ по тюрьмамъ Москвы и входилъ во всѣ нужды арестантовъ. Уже семидесятилѣтній старецъ, онъ всюду и вѣчно вступался за «своихъ несчастныхъ» передъ ихъ

начальствомъ и тамъ, гдѣ не дѣйствовали просьбы, онъ пускалъ въ ходъ мольбы, а иногда и слезы. Почтенный видъ старца, его горячія слова, идущія отъ сердца нерѣдко трогали суровыхъ людей, и просьбы его исполнялись.

Узнавъ, что поголовное бритье полъ-головы у арестантовъ вызываетъ нерѣдко тяжелыя душевныя муки, брили иногда за просроченные паспорта, неправильно взятымъ въ солда-

ты и возращаемымъ на родину... Позорно и тяжело было явиться въ родной домъ съ такимъ клеймомъ. Гаазъ усиленно хлопоталъ объ отмѣнѣ поголовнаго бритья головы; его просьбу уважили: бритье отмѣнили и оставили его только для каторжныхъ.

Всѣ свои заработанныя деньги Ѳедоръ Петровичъ отдавалъ по тюрьмамъ, и когда, вслѣдствіе неурожая послѣдовало предписаніе уменьшить порціи арестан-

товъ, то онъ тотчасъ же внесъ въ комитетъ 11 тысячъ отъ неизвѣстнаго на улучшеніе пищи.

Всюду проникалъ зоркій глазъ доктора, когда дѣло шло о несчастныхъ. Видя, что тюрьмы грязны, холодны, сыры, полны мышей, зловонія, онъ хлопочетъ и испрашиваетъ разрѣшенія ихъ перестроить; самъ собираетъ пожертвованія, ѣздитъ на постройку, слѣдитъ за работой, лазитъ по лѣсамъ, споритъ съ рабочи-

ми, и тюрьма принимаетъ опрятный видъ. Чистыя свѣтлыя комнаты съ широкими окнами выкрасили масляной краской, на дворѣ вырыли колодезь, дворъ обсадили деревьями.

Каждое воскресенье Ѳедоръ Петровичъ рано пріѣзжалъ въ тюрьму на Воробьевы горы. Здѣсь онъ отстаивалъ обѣдню, внимательно слушалъ проповѣдь, которая, по его просьбѣ передъ митрополитомъ Филаретомъ, говорилась въ

этотъ день, такъ какъ въ понедѣльникъ партіи уходили въ Сибирь.

Затѣмъ онъ обходилъ камеры арестантовъ, утѣшалъ, ободрялъ, помогалъ. Онъ входилъ всегда одинъ въ отдѣленія самыхъ ужасныхъ каторжниковъ, оставался съ ними подолгу, кротко бесѣдуя, и не было ни одного случая, чтобы противъ Ѳедора Петровича вырвалось у какого нибудь ожесточеннаго пропащаго человѣка хотя од-

но грубое слово. Самые тяжкіе преступники относились къ нему съ почтеніемъ. Гаазъ выслушивалъ всѣхъ терпѣливо, и на его спокойномъ, добромъ лицѣ не было и тѣни неудовольствія. Онъ зналъ, что узнику часто хочется высказаться, вылить душу... Устремивъ прекрасные, внимательные глаза, Ѳедоръ Петровичъ разъясняетъ, что для помощи нѣтъ повода, жалѣетъ, что нельзя помочь; два — три ласко-

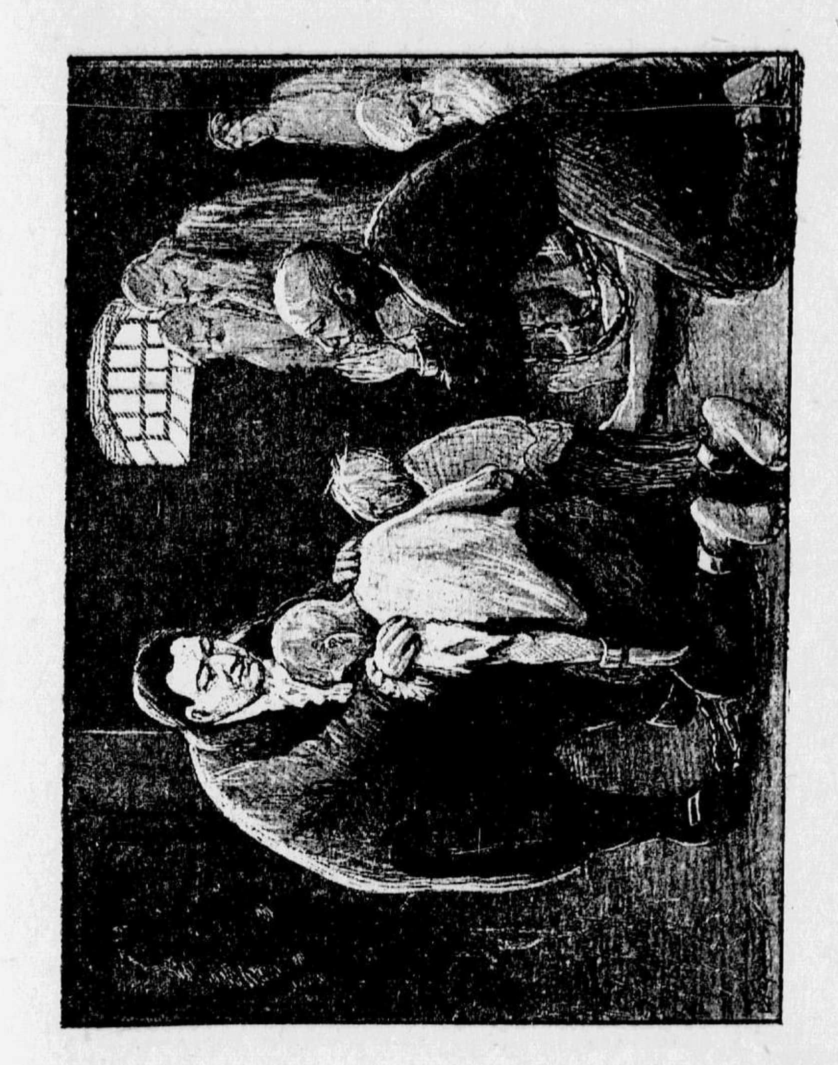

Рис. 2 Д-ръ Гаазъ среди арестантовъ.

выхъ слова — и несчастный ободренъ, утѣшенъ, успокоенъ.

Арестанты ждали посѣщенія Ѳедора Петровича, какъ праздника, обожали его, вѣрили ему и даже сложили про него поговорку: «у Гааза нѣтъ отказа».

За Рогожской заставой былъ учрежденъ по мысли Гааза полуэтапъ. Здѣсь на краю Москвы партія отдыхала и, переночевавъ, утромъ окончательно дви-

галась въ свой нерадостный путь.

Сюда каждый понедѣльникъ подъѣзжала дребезжащая пролетка доктора. Изъ-подъ кожанаго фартука выгружались корзины, ящики, мѣшки съ подаяніемъ; все дѣлилось между уходившими. Гаазъ прощался съ ними и напутствовалъ ихъ.

Уйдутъ они, а его мысль далеко летитъ за ними: что-то они, какъ идутъ? не тяжело ли имъ?

Одинъ молодой чиновникъ, по фамиліи Арцимовичъ, ѣздилъ на ревизію въ Сибирь... Остановившись на день въ Москвѣ, онъ былъ очень пораженъ однимъ позднимъ визитомъ. Вернувшись ночью поздно изъ гостей, онъ только-что легъ спать, какъ къ нему вошелъ слуга. Незнакомый старикъ настойчиво желаетъ его видѣть. Въ отворенную дверь вошелъ усталый, едва переводившій духъ, старикъ въ черномъ

фракѣ, въ жабо, въ чулкахъ и башмакахъ. Это былъ Гаазъ.

— Простите, пожалуйста... заговорилъ онъ.— Извините воликодушно за поздній визитъ... Но я разыскивалъ васъ цѣлый день и едва нашелъ.

Пришедшій сѣлъ на край кровати, взялъ удивленнаго Арцимовича за руки, довѣрчиво устремилъ на него голубые добрые глаза и закидалъ его вопросами:

— Вы вѣдь видѣли

«ихъ» въ разныхъ мѣстахъ?... Ну, какъ «имъ» тамъ? Не очень ли имъ тамъ тяжело? Что имъ особенно нужно? Вы ужъ извините старика, но мнѣ ихъ такъ, такъ жаль!!!

И растроганный хозяинъ цѣлую ночь разсказывалъ необычному гостю о «нихъ» и ласково отвѣчалъ на всѣ его разспросы.

Уходившіе арестанты уносили съ собою неизгладимую память о Ѳедорѣ Петровичѣ. И многихъ не-

счастныхъ въ далекой Сибири, въ темныхъ рудникахъ поддерживало и ободдряло отрадное сознаніе, что въ Москвѣ есть старикъ, который думаетъ объ «ихъ братѣ», «старается», «жалѣетъ», умоляетъ быть лучше и исправиться... Можетъ быть, свѣтлая искорка правды и добра, закинутая этимъ старикомъ въ загрубѣлыя души жила и разгоралась яснымъ пламенемъ.

Однажды тотъ же В. А. Арцимовичъ, бывшій въ Тобольскѣ губернаторомъ, объѣзжая губернію, остановился въ домѣ зажиточнаго, уже давно прощеннаго и хорошо жившаго ссыльно-поселенца.

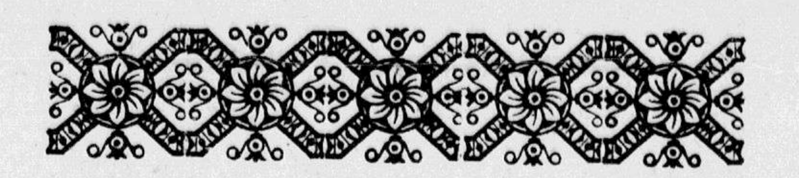
Когда губернаторъ, уѣзжая, сѣлъ въ экипажъ, его вышелъ провожать хозяинъ дома. Это былъ степенный старикъ, съ длинной сѣдой бородою, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна. Вдругъ старикъ смѣшался

и упалъ на колѣни. Губернаторъ подумалъ, что онъ хочетъ просить полнаго помилованія и велѣлъ ему встать и изложить свою просьбу.

— Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ, и я всѣмъ доволенъ,—отвѣчалъ старикъ, не поднимаясь съ колѣнъ.—А только... и онъ заплакалъ отъ волненія.— только скажите мнѣ хоть вы... ни отъ кого я узнать

не могу толкомъ... Скажите: живъ ли еще въ Москвѣ Ѳедоръ Петровичъ?

VII.

Безпримѣрное сострадание и трогательныя заботы Ѳедора Петровича Гааза еще болѣе выступаютъ по отношенію къ больнымъ арестантамъ... Тутъ для его человѣколюбія открывалось обширное поле... Увидѣвъ, какъ мало и небрежно заботились о здоровьѣ ссылаемыхъ, желая

только одного—скорѣе отъ нихъ избавиться, Гаазъ кротко и убѣдительно просилъ людей, стоявшихъ близко къ дѣлу, относиться къ несчастнымъ человѣчно. Надъ нимъ подсмѣивались, давали ему понять, что это не его дѣло, что это касается полицейскихъ врачей.

Но безпокойный человѣкъ не задумывается. Онъ хлопочетъ у князя Голицына; умоляетъ его разрѣшить ему, какъ док-

тору медицины, осматривать всѣхъ больныхъ арестантовъ, отсылаемыхъ изъ Москвы, и подчинить ему полицейскихъ врачей. Онъ пишетъ въ комитетъ и жалуется, что изъ Москвы отправляютъ часто тяжко-больныхъ арестантовъ.

Князь Голицынъ уважилъ просьбу доктора и разрѣшилъ ему свидѣтельствовать больныхъ безъ полицейскихъ врачей и больныхъ оставлять на излѣченіи въ Москвѣ. Широко

воспользовался этимъ правомъ добрый докторъ. Въ больномъ тѣлѣ несчастныхъ онъ часто примѣчалъ и страдающую душу. Значитъ, ограничиться однимъ лѣкарствомъ тутъ нельзя. Прежде всего необходима нѣжная забота, сердечное участіе въ горѣ и защита въ случаѣ нужды. Лѣкарство стояло у доктора на второмъ планѣ.

Заботами Гааза на Воробьевыхъ горахъ была устроена больница. Здѣсь-

то онъ могъ, оставляя ссылаемыхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ «по болѣзни», снимать съ нихъ оковы и обращаться съ ними, какъ съ людьми несчастными.

Ссыльные приходили въ Москву по субботамъ. Отправленіе ихъ происходило дня черезъ два послѣ составленія статейныхъ списковъ. Ѳедоръ Петровичъ сталъ хлопотать, чтобы пребываніе арестантовъ въ Москвѣ продолжалось не менѣе недѣли.

«Нужно, чтобы никто изъ страждущихъ ссыльныхъ не оставлялъ Москвы, не нашедши въ ней помощи и утѣшенія»—писалъ, онъ въ комитетъ.

Требованіе его уважили. И вотъ Гаазъ проводитъ много дней,—можно безъ ошибки сказать, полъ-жизни, въ больницахъ и тюрьмахъ. Онъ посѣщалъ каждую партію не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю. Каждый разъ онъ обходилъ всѣ помѣщенія, разспраши-

валъ ссыльныхъ, ободрялъ, утѣшалъ. Не изъ пустаго любопытства вызывалъ онъ ихъ на разсказы о своей печальной участи.

Вновь захворалъ или не окрѣпъ еще послѣ болѣзни ссылаемый; слабы ли его силы для длиннаго пути; упалъ ли онъ духомъ передъ «владиміркой» или смертельно затосковалъ передъ разлукой съ матерью, съ женой, ребенкомъ, съ близкими,—около него уже другъ зоркій и добрый...

*

«Оставить его, непремѣнно оставить... Надо дать ему укрѣпиться, отойти, согрѣться душой», рѣшаетъ Гаазъ и оставляетъ на недѣлю или болѣе для врачебнаго попеченія.

Какъ и можно было ожидать, такія распоряженія доктора вызывали массу неудовольствій. На Гааза сыпались со всѣхъ сторонъ нареканія, и генералъ-губернаторъ получалъ жалобу за жалобой. Писали, что докторъ задерживаетъ

въ Москвѣ не одних только тяжело больныхъ, что арестанты представляются нарочно больными; жаловались, что онъ затрудняетъ составленіе статейныхъ списковъ, которые изъ-за него приходится передѣлывать. Всѣ были недовольны и раздражены Ѳедоромъ Петровичемъ за его снисхожденіе къ порочнымъ арестантамъ. Даже любившему его князю Голицыну надоѣли эти вѣчныя жалобы, и въ концѣ

концовъ его приказано было устранить отъ освидѣтельствованія больныхъ арестантовъ.

Старикъ Гаазъ былъ горько обиженъ и оскорбленъ. Съ горечью и негодованіемъ оправдывается онъ и пишетъ въ комитетъ. «Я призываю небо въ свидѣтели, что никто не въ состояніи указать такой мой поступокъ, который сдѣлалъ бы меня недостойнымъ довѣрія... Мое преимущество—это неимѣ-

ніе другихъ занятій, которыя бы могли отвлечь меня отъ любимыхъ заботъ о больныхъ и арестантахъ... Теперь же никто не занялъ моего мѣста, и никто уже четыре недѣли не посѣтилъ ссылаемыхъ»...

Въ другой запискѣ онъ такъ оправдывается. Да, онъ задерживалъ не однихъ тяжко больныхъ. Онъ дозволилъ дождаться одному арестанту больной жены и ребенка; онъ разрѣшилъ тремъ арестантамъ подо-

ждать пришедшихъ съ ними проститься жены, дочери, сестры... Встрѣчи ихъ нельзя было видѣть безъ слезъ. Онъ оставилъ 19-лѣтняго преступника потому, что тяжко устала старуха мать, слѣдовавшая за нимъ... «Въ чемъ же вредъ моихъ дѣйствій? Что здоровье сохранено? Что душевные недуги исправлены? Материнское попеченіе о нихъ можетъ отогрѣть ихъ оледенѣвшее сердце...»

Но дождаться скоро возстановленія своихъ правъ Гаазу не удалось. Онъ не сложилъ орудія. Онъ считался директоромъ тюремнаго комитета, и это давало ему право ѣздить въ тюрьмы и на этапъ. «Мнѣ никто не можетъ воспретить посѣщать тюрьмы, покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею государя... Я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ»,—пи-

салъ онъ, отстаивая свои права.

Почтенный старикъ попрежнему пріѣзжалъ въ пересыльную тюрьму и на этапъ. Не смѣя болѣе вмѣшиваться, онъ издали молча наблюдалъ за отправкой арестантовъ. Но развѣ можно было унять это горячее сердце? Онъ видитъ, что отправляютъ двухъ совершенно больныхъ арестантовъ, которые едва держатся на ногахъ; онъ слышитъ, какъ горько рыдаютъ

двѣ сестры, молодыя дѣвушки. Онѣ просятъ не разлучать ихъ. Одна заболѣла, итти не можетъ; но имъ объявили, что если онѣ хотятъ быть вмѣстѣ, то пусть больная переможетъ и идетъ... Онѣ рѣшили не разлучаться: больная лучше умретъ, но пойдетъ съ сестрой...

Гаазъ не можетъ этого вынести, вступается за сестеръ, умоляетъ полицеймейстера ихъ оставить... Любовь этихъ сестеръ до-

стойна уваженія. Онѣ такъ молоды и вмѣстѣ лучше будутъ беречь другъ друга отъ зла и подкрѣплять. Тотъ сначала сердится, отказываетъ, давъ понять, что теперь докторъ считается ничѣмъ.

Тогда Ѳедоръ Петровичъ на иностранномъ языкѣ напомнилъ полицеймейстеру о «Высшемъ Судѣ, на которомъ подчиненные будутъ страшными обвинителями». Гаазу отвѣтили, что онъ неумѣстно преподаетъ ка-

техизисъ. Но упорство старика сломило, и сестеръ оставили.

Много отказовъ получалъ Гаазъ и отъ комитета за свои хлопоты за арестантовъ, много огорченій выслушалъ онъ, но никогда не унывалъ.

Однажды членъ комитета замѣтилъ безпокойному старику, что онъ дождется того, «что его не станутъ приглашать въ комитетъ».

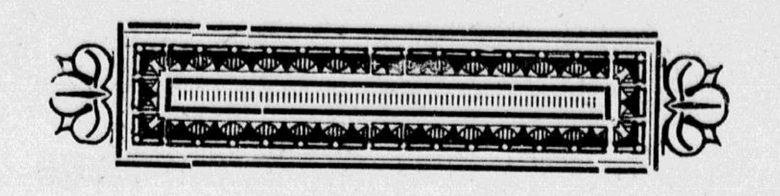
— Я самъ пріѣду,— спокойно отвѣтилъ Гаазъ.

— Передъ вами запрутъ двери!

— Ну, что же,—я влѣзу въ окно!..

Эти невзгоды и даже мимолетныя столкновенія съ княземъ Голицынымъ проходили безслѣдно. Онъ понималъ хорошо «чудака» и не могъ сердиться на своего чистаго душою сотрудника.

VIII.

Все, что касалось жизни несчастнаго, было близко и волновало душу Гааза. Онъ входилъ во всѣ нужды арестантовъ. Зная, какое уваженіе питаетъ простой народъ къ печатному слову, и какъ благотворно можетъ повліять хорошая книга на загрубѣлую душу. — Ѳедоръ Петровичъ

особенно усердно хлопоталъ о раздачѣ книгъ арестантамъ, главнымъ образомъ Евангелія и книгъ священныхъ. На покупку этихъ книгъ не было денегъ ни у комитета, ни у самого старика, и Өедоръ Петровичъ обратился къ добрымъ людямъ за помощью... И ему помогли. Одинъ богатый купецъ пожертвовалъ въ разное время книгъ на 30 тысячъ рублей.

Арестанты жадно читали даваемыя книги. Евангеліе было для нихъ утѣшеніемъ и отрадой, которая облегчала имъ мрачную жизнь.

Враги Өедора Петровича не дремали: многіе находили, что священныя книги попадаютъ въ недостойныя руки, что Евангеліе надо читать съ объясненіемъ духовными особами; что книги надо раздавать по убѣдительной просьбѣ арестантовъ, а не навязывать. Гаазъ защищался, какъ и всегда.

«Собственный опытъ убѣдилъ меня, что и недостойныя руки развертываютъ «слово Божіе» бережно и съ благодарнымъ умиленіемъ, и что, по словамъ Спасителя, это слово сѣется и на камнѣ».

Въ 1841 году Гаазъ издалъ на свои средства небольшую книжку. Книжку эту онъ назвалъ «А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ на-

счетъ ближняго выраженій, или о начаткахъ любви къ ближнему».

Книжка эта была написана яснымъ, понятнымъ языкомъ, тутъ были тексты изъ Евангелія, Посланія апостольскія, трогательные разсказы изъ жизни и исторіи, а также совѣты и наставленія. Авторъ горячо убѣждалъ читателей не гнѣваться, не смѣяться надъ уродствомъ и главное не лгать.

Эту книжку Ѳедоръ Пет-

*

ровичъ всегда привозилъ съ собою и раздавалъ уходившимъ арестантамъ. Чтобы они не потеряли книжку, имъ устроены были небольшія сумочки для ея храненія, которыя вѣшались на грудь арестанту. Отдавая книжку въ руки, Өедоръ Петровичъ часто прочитывалъ ее и просилъ исполнять все напечатанное, въ чемъ умѣющихъ писать просилъ подписывать свою фамилію на чистой страницѣ, а не

умѣющихъ поставить три креста.

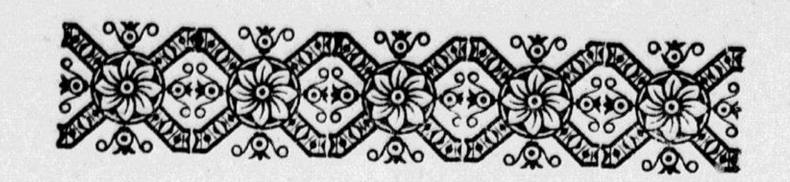
Всякими способами хотѣлъ Гаазъ удерживать арестантовъ отъ дурныхъ поступковъ.

Но, конечно, не въ одномъ духовномъ просвѣтленіи нуждались «несчастные». Одни тосковали въ разлукѣ съ родными и родиной, и это бывало часто тяжелѣе самаго наказанія; другимъ, отбывъ наказаніе, некуда преклонить голову, иные умирали, оставивъ си-

ротъ... Гаазъ хлопочетъ обо всемъ. То онъ доставляетъ письма, справки и деньги въ Сибирь, сообщаетъ свѣдѣнія по дѣламъ и просьбамъ. Посылаетъ денегъ на покупку лошади для возвращенія, устраиваетъ сиротъ, хлопочетъ, чтобы въ царскіе дни и праздники разрѣшали арестантамъ лишнія свиданія съ родными. И все это дѣлалось среди множества другихъ дѣлъ и заботъ, между посѣщеніями мно-

гочисленныхъ больныхъ, тюремъ, этапа, комитета, отписываясь отъ жалобъ и не упуская случая приходить на помощь ко всѣмъ «приватнымъ несчастливцамъ», какъ называлъ всѣхъ страдающихъ Гаазъ.

IX.

Если человѣколюбивый докторъ такъ «старался» для всѣхъ осужденныхъ, то каково же болѣло его сердце за невинно осужденныхъ, которые часто встрѣчались въ прежнее время. Здѣсь «святому» безпокойству доктора не было границъ. Невозможно описать всѣхъ его хлопотъ, поѣз-

докъ, просьбъ. Онъ почти ежедневно являлся съ такими просьбами, справками, ходатайствами о разслѣдованіи. Здѣсь онъ вѣрилъ только своему горячему желанію помочь и подобныхъ хлопотъ не довѣрялъ никому. Такъ продолжалось до самой смерти.

Одинъ почтенный человѣкъ въ Москвѣ не разъ вспоминалъ, какой трогательный урокъ далъ ему Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

Въ то время онъ былъ

еще совсѣмъ молодой человѣкъ и находился на службѣ въ одномъ учрежденiи. Однажды онъ былъ оторванъ отъ занятiй приходомъ какого-то старика. Старикъ назвалъ себя членомъ тюремнаго комитета и убѣдительно просилъ навести справку объ одномъ арестантѣ. Недовольный помѣхою молодой чиновникъ рѣзко указалъ на неточности въ просьбѣ и отказалъ выдать справку. Старикъ молча поклонился и

вышелъ. Между тѣмъ разразилась страшная гроза, пронесся ураганъ и ливень. Всѣ московскiя площади обратились въ озера, а переулки и улицы въ рѣки... Каково же было удивленiе молодого чиновника, когда старикъ черезъ два часа снова потревожилъ его... Онъ промокъ до костей: на немъ не было, какъ говорится, сухой нитки..: Съ доброй улыбкой онъ подалъ самыя подробныя свѣдѣнiя по предмету своей просьбы.

Оказалось, что онъ ѣздилъ за справками далеко, на самый край Москвы, несмотря на ливень и грозу... Это былъ уже семидесятилѣтній Гаазъ, и трогательный урокъ, данный имъ молодому чиновнику, вызывалъ у разсказчика черезъ много лѣтъ слезы умиленія.

Изъ-за невинно осужденныхъ у Өедора Петровича даже произошло оригинальное столкновеніе съ знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ.

Филарету, вѣроятно, наскучили постоянныя просьбы и хлопоты Гааза за невинно осужденныхъ. Иногда эти ходатайства бывали недостаточно провѣрены, и случались ошибки.

— Вы все говорите, Өедоръ Петровичъ,—сказалъ митрополитъ на одномъ изъ засѣданій комитета,—о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ... Если человѣкъ подвергнутъ карѣ, значитъ есть за нимъ вина.

Живой, горячій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Да вы о Христѣ позабыли, владыко!—воскликнулъ онъ съ горечью.

Всѣ смутились и замерли на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ никто не смѣлъ говорить съ вліятельнымъ Филаретомъ.

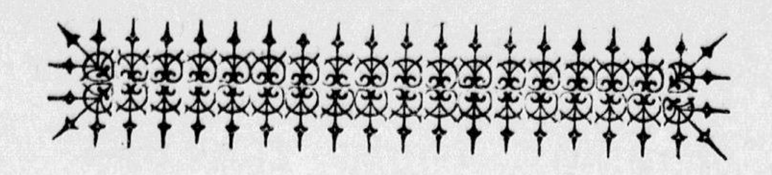
Но глубина ума митрополита была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ опустилъ голову и замолчалъ... Послѣ нѣсколькихъ минутъ тягостнаго

молчанія, среди томительной тишины, онъ всталъ и проговорилъ:

— Нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,— Христосъ меня позабылъ!..

Затѣмъ онъ всѣхъ благословилъ и вышелъ.

X.

Кромѣ арестантовъ и преступниковъ, любящей душѣ Ѳедора Петровича былъ близокъ всякій страдающій человѣкъ; особенно заботливо и нѣжно относился онъ къ больнымъ.

На попеченіи Гааза находились больницы для арестантовъ на Воробьевыхъ

горахъ и Старая Екатерининская...

Больные ожидали своего доктора, какъ отца родного. Онъ входилъ въ палаты всегда веселый, ласковый, внимательный; садился около больныхъ на кровать, обнималъ, гладилъ по головѣ, нерѣдко цѣловалъ, называя «голубчикомъ» и «милымъ»; спрашивалъ, какъ кто спалъ и хорошій ли видѣлъ сонъ.

(Онъ просилъ и предписывалъ всѣмъ своимъ вра-

чамъ и сидѣлкамъ относиться къ больнымъ терпѣливо и нѣжно).

Онъ приносилъ больнымъ ѣду, крендели, лакомства. Въ первый день Пасхи онъ обходилъ всѣхъ больныхъ и христосовался. Въ день своихъ именинъ онъ получалъ множество сладкихъ пироговъ. Онъ заботливо нарѣзалъ ихъ на кусочки и съ радостью увозилъ своимъ больнымъ.

Во время постоянныхъ разъѣздовъ по Москвѣ Ѳе-

доръ Петровичъ не рѣдко встрѣчалъ тяжело больныхъ, обезсиленныхъ людей на улицахъ. Онъ сажалъ такихъ въ пролетку и везъ въ одну изъ больницъ. Но тамъ отказывали принять за неимѣніемъ мѣста. Тогда онъ привозилъ ихъ въ свою квартиру и ухаживалъ за ними; ихъ набиралось иногда очень много, и часто не хватало мѣста.

Для такихъ больныхъ только заботами одного

*

Гааза, въ ветхомъ домишкѣ на Покровкѣ явилась новая полицейская больница. Простой народъ скоро окрестилъ ее «гаазовской», и всѣ ее такъ называли.

Больница была основана на 150 человѣкъ. Сюда принимались люди, поднятые на улицахъ безъ сознанія, укушенные, отравленные, обожженные... Слава о новой больницѣ быстро распространилась въ народѣ, и бѣдняки рвались

попасть въ нее... Отказывать больнымъ Ѳедоръ Петровичъ не имѣлъ силъ и набиралъ въ свою полицейскую больницу часто болѣе 300 человѣкъ.

Эта больница была его любимое дѣтище; сюда онъ отдавалъ все свое жалованье, просилъ богатыхъ купцовъ жертвовать на нее, умолялъ генералъ-губернатора князя Щербатова принять въ ней участіе.

Но недоброжелатели не дремали, опять посыпались

обвиненія противъ переходящаго границы «филантропа». Онъ знать ничего не хочетъ, кромѣ своихъ больныхъ бродягъ и оборванцевъ; онъ сверхъ мѣры переполняетъ больницу... Развѣ это порядки!

Князь Щербатовъ призвалъ Гааза къ себѣ. Горячо упрекая его, негодуя онъ требовалъ не допускать въ полицейской больницѣ пріема болѣе 150 человѣкъ.

Старикъ поникъ головой и долго молчалъ... Вѣро-

ятно, въ это время въ его воображеніи мелькали тѣни тѣхъ несчастныхъ, которымъ онъ долженъ будетъ отказать и которые, можетъ быть, умрутъ одиноко на улицѣ... И вдругъ онъ тяжело опустился передъ генералъ-губернаторомъ на колѣни и горько зарыдалъ.

Князь Щербатовъ увидѣлъ, что его требованіе не по силамъ старику. Онъ и самъ растрогался до слезъ и сталъ подымать Ѳедора Петровича. На «Гаа-

зовскую больницу» онъ махнулъ рукой и сталъ смотрѣть на ея «безпорядки» сквозь пальцы.

Въ Москвѣ говорили, что докторъ Гаазъ «выплакалъ» себѣ право принимать больныхъ, сколько найдетъ нужнымъ.

Въ больницѣ на Покровкѣ заботились не только о лѣченіи больныхъ, но также хлопотали о помѣщеніи старыхъ въ богадѣльни, о снабженіи бѣдныхъ платьемъ, бѣльемъ, деньгами,

объ устройствѣ осиротѣлыхъ дѣтей...

Ѳедоръ Петровичъ, обходя палаты, очень часто незамѣтно клалъ деньги подъ подушку такого больного, которому надо скоро выписаться.

Порядки, заведенные Газомъ въ полицейской больницѣ, были очень строги. Самъ деликатный, обходительный, правдивый, онъ требовалъ того же отъ подчиненныхъ, но прежде всего — правды. Ложь при-

водила его въ отчаяніе. Чтобы искоренить ее, онъ завелъ въ больницѣ кружку, въ которую за всякую открытую ложь виноватый долженъ былъ класть штрафъ. Это условіе Гаазъ объявлялъ всѣмъ поступавшимъ въ больницу, и оно исполнялось строго.

Однажды тюремную больницу посѣтилъ лейбъ-медикъ и донесъ государю, что нашелъ въ больницѣ двухъ арестантовъ, въ

болѣзни которыхъ онъ сомнѣвается.

Ѳедоръ Петровичъ взволновался, разслѣдовалъ это дѣло и доказалъ лейбъ-медику, что онъ ошибся. А когда тотъ уходилъ изъ больницы и сконфузившись сталъ извиняться, Гаазъ съ добродушной улыбкой просилъ его не тревожиться и, указывая на висѣвшую у дверей кружку, проговорилъ:

— Только, ваше превосходительство, вы изволили

доложить государю неправду. Извольте теперь положить десять рублей штрафу въ пользу больныхъ...

Лейбъ-медикъ охотно это исполнилъ.

Больные боготворили своего «святого» доктора. Его слово было для нихъ закономъ и успокаивало каждаго.

Въ больницѣ была одна несчастная француженка-гувернантка. Она сошла съ ума оттого, что ее заподо-

зрѣли въ кражѣ. Бѣдная дѣвушка всегда была неспокойна и впадала въ буйство. Но если приходилъ Ѳедоръ Петровичъ, она тотчасъ затихала, становилась кроткой и радостно шла на его зовъ.

Докторъ гладилъ ей волосы, тихо говорилъ ласковыя слова, которыя доходили до больного мозга, и она улыбалась.

Разсказываютъ еще болѣе поразительный случай. Въ Екатерининскую боль-

ницу привезли дѣвочку 11 лѣтъ. У нея была страшная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ водяного рака. Въ теченіе 4-хъ дней болѣзнь эта уничтожила полъ-лица страдалицы. Кромѣ жестокихъ болей, отъ маленькой мученицы распространялся невыносимый запахъ. Ни врачи, ни фельдшера, ни мать, нѣжно любившая ребенка, не могли долго быть въ комнатѣ, гдѣ лежала больная. Одинъ только Өедоръ Петровичъ ежедневно

просиживалъ у нея по нѣсколько часовъ, обнимая, лаская, цѣлуя и благословляя. Такъ продолжалось три дня, пока дѣвочка на его рукахъ не скончалась.

Въ 1848 году, когда въ Москвѣ появилась сильная холера, наводившая страхъ даже на многихъ врачей, Гаазъ старался разсѣять этотъ страхъ и вдохнуть мужество.

Проходя какъ-то по больницѣ, онъ быстро подошелъ къ одному больному, метав-

шемуся и стонавшему на кровати, и ободряюще сказалъ:

— А вотъ и первый холерный больчой у насъ.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ его, несмотря на смущеніе окружающихъ.

Чтобы ободрить товарищей и доказать незаразительность холерныхъ больныхъ, Гаазъ садился послѣ нихъ въ ванну и сидѣлъ въ ней довольно долго. Слухи объ этомъ проникали въ народъ и успокаивали

его. Зная это, начальство въ разгаръ холеры обратилось къ Гаазу съ просьбой при его постоянныхъ разъѣздахъ останавливаться при стеченіи народа и успокаивать его.

И въ жаркіе дни 1848 года на московскихъ площадяхъ и перекресткахъ очень часто видѣли высокаго, бодраго старика въ оригинальномъ костюмѣ, стоявшаго въ пролеткѣ и говорившаго убѣдительно и ласково съ огромной тол-

пой... Народъ слушалъ «своего» доктора внимательно и относился къ его словамъ съ полнымъ довѣріемъ.

Подъ конецъ жизни уже всѣ примирились съ «чудачествами» доктора Гааза. За этими чудачествами виднѣлась великая сила чистой души... Студенты того времени уважали его и искали случая хотя взглянуть на «святого» человѣка, какъ они его называли.

Самъ государь императоръ Николай I зналъ лично Гааза и уважалъ его просьбы.

Разсказываютъ, что во время посѣщенія императоромъ Николаемъ тюремнаго замка недоброжелателями Гааза государю былъ указанъ 70-ти-лѣтній старикъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь, но котораго докторъ своевольно долго задерживалъ въ Москвѣ.

— Что это значитъ?— спросилъ государь Гааза.

Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Петровичъ всталъ на колѣни.

Думая, что онъ проситъ прощенія за допущенное послабленіе арестанту, государь сказалъ:

— Полно! Я не сержусь, Ѳедоръ Петровичъ... Что это ты,—встань!

— Не встану!—рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ.

— Да я не сержусь,

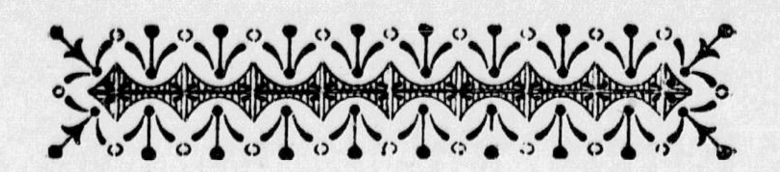
говорю тебѣ... Чего же тебѣ надо?

— Государь, помилуйте старика! Ему осталось не много жить; онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко итти въ Сибирь. Помилуйте его! Я не встану, пока вы его не помилуете!!.

Государь задумался.

— На твоей совѣсти, Ѳедоръ Петровичъ, — сказалъ онъ и изрекъ прощеніе.

Тогда, осчастливленный, взволнованный, Гаазъ всталъ съ колѣнъ.

XI.

Гаазъ очень любилъ дѣтей, и дѣти ему платили тѣмъ же. Онъ любилъ бывать въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ подростали дѣти. Малыши бросались къ нему съ радостью на встрѣчу, ласкали его, теребили, лѣзли на руки. Онъ, конечно, баловалъ ихъ, давалъ лакомства, сажалъ на колѣни и

нѣжно смотрѣлъ въ ихъ чистые, правдивые глазки, иногда съ умиленнымъ выраженіемъ клалъ на головку ребенка руки, какъ бы благословляя его на все доброе. Между старымъ и малымъ всегда завязывалась веселая бесѣда: слышались шутки и звонкій дѣтскій смѣхъ.

По словамъ супруги нашего великаго писателя, графини С. А. Толстой, Ѳедоръ Петровичъ любилъ продѣлывать съ дѣтьми

шутливое перечисленіе «необходимыхъ добродѣтелей». Взявъ маленькую дѣтскую рученку и растопыривъ ея пальчики, онъ начиналъ загибать ихъ поочередно. Загибая большой палецъ, говорилъ: «благочестіе», загибая указательный — «благонравіе», средній — «вѣжливость» и т. д. Когда же дѣло доходило до мизинчика, то онъ, сжимая его и тряся, произносилъ многозначительно: «не лгать, не лгать, не лгать!!!» Ребе-

нокъ весело и звонко смѣялся.

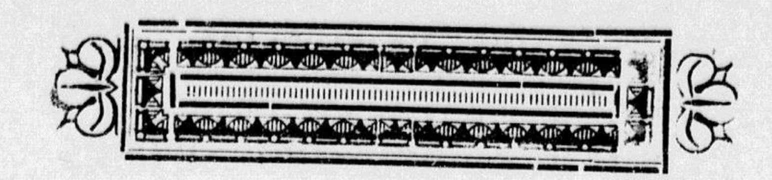
Заботы же о дѣтяхъ арестантовъ и о дѣтяхъ крѣпостныхъ людей не оставляли Ѳедора Петровича всю жизнь. То онъ проситъ и убѣждаетъ богатую купчиху, чтобы она взяла на воспитаніе ребенка ссыльнаго; то самъ наблюдаетъ за дѣтьми, уже отданными; то помогаетъ совѣтами и деньгами женамъ, идущимъ съ дѣтьми за мужьями. То, по почину комитета, выку-

паетъ дѣтей крѣпостныхъ и отдаетъ ихъ родителямъ,—всѣхъ такихъ отеческихъ заботъ и не перескажешь.

При тюрьмѣ, по его мысли, устроена была школа для арестантскихъ дѣтей. Онъ постоянно навѣщалъ ее, ласкалъ дѣтей, болталъ съ ними, шутилъ, заставлялъ при себѣ читать и писать. Онъ очень любилъ, когда дѣти пѣли, особенно что нибудь церковное. И, къ изумленію мѣстнаго священ-

ника, совершенно вѣрно поправлялъ ихъ ошибки въ славянскомъ текстѣ.

XII.

Такъ проходила чистая, какъ хрусталь, жизнь Өедора Петровича Гааза, полная святой, самоотверженной любви къ людямъ.

До глубокой старости онъ сохранилъ цвѣтущее здоровье, былъ энергиченъ, счастливъ и со всѣми ровенъ. Вставалъ онъ всегда въ 6 ч. утра и

одѣвался въ свой черный фракъ, жабо, шелковые чулки и башмаки съ пряжками. Чая онъ не пилъ: это былъ слишкомъ дорогой для него напитокъ. Онъ пилъ настой смородиннаго листа. До восьми часовъ утра онъ еще успѣвалъ съѣздить въ тюрьму или приготовить для больныхъ лѣкарства.

Въ 8 часовъ начинался пріемъ больныхъ. Ихъ сходилось множество. Но не только съ тѣлесными неду-

гами приходили къ своему доброму доктору бѣдняки. Они приходили подѣлиться горемъ, обидой, неудачей. Отъ доктора получали добрый совѣтъ или нравоученіе, а чаще всего ласку, утѣшеніе и денежную помощь. Лѣкарства же онъ давалъ самыя простыя и не очень-то любилъ къ нимъ прибѣгать. Про него даже шутники сложили поговорку: докторъ Гаазъ уложитъ въ постель, закутаетъ во фланель, поста-

витъ фонтанель и пропишетъ каломель. Дѣйствительно, тепло, покой и каломель были его излюбленныя средства.

Послѣ пріема больныхъ Ѳедоръ Петровичъ шелъ въ свою полицейскую больницу или уѣзжалъ въ тюрьму. Его облѣзлыя дребезжащія дрожки и старый кучеръ Егоръ были извѣстны всей Москвѣ. Дѣлая по Москвѣ большіе концы и сильно проголодавшись, Гаазъ часто останавли-

вался около какой нибудь пекарни и покупалъ четыре калача: два — лошадямъ, одинъ—кучеру, другой—себѣ.

Обѣдалъ Ѳедоръ Петровичъ всегда почти дома; столъ у него былъ болѣе чѣмъ скромный, ѣлъ онъ мало и, кромѣ воды, ничего не пилъ.

Если же ему приходилось бывать въ гостяхъ и тамъ подавали фрукты, онъ бралъ двойную порцію и говорилъ съ доброй, за-

стѣнчивой улыбкой: «это для больныхъ».

Старикъ былъ одинокъ и себѣ отказывалъ во всемъ. Одѣвался онъ очень бѣдно, но любилъ опрятность.

Ѳедоръ Петровичъ стѣснялся большого общества и бывалъ въ немъ молчаливъ... Но вдвоемъ или въ маленькомъ дружескомъ кружкѣ всегда такъ оживленно лилась его бесѣда... Смѣялся онъ рѣдко. О себѣ говорить не любилъ и даже

сердился, когда при немъ вспоминали его дѣятельность. Усѣвшись глубоко въ кресло, положивъ руки на колѣни, устремивъ взглядъ прямо передъ собой, онъ подолгу разсказывалъ о «нихъ», по комъ болѣло его сердце...

Въ такомъ видѣ одинъ изъ почитателей, потихоньку спрятавшись за ширму, снялъ портретъ съ доктора, потому что тотъ, несмотря на всѣ убѣжденія,

ни за что не хотѣлъ сняться.

Раздавалъ Гаазъ бѣднымъ рѣшительно все, что имѣлъ. Но, прося у вліятельныхъ лицъ и знакомыхъ за своихъ несчастныхъ, онъ никогда не просилъ денежной помощи. Но сердечно радовался, если ее оказывали. Зная это, его московскіе друзья клали деньги ему потихоньку въ задній карманъ его фрака. Гаазъ улыбался добродуш-

*

но и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ.

Почитатели Θедора Петровича однажды прислали ему въ подарокъ при письмѣ безъ подписи превосходную карету и пару отличныхъ лошадей... Но онъ отправилъ ее тотчасъ же къ каретнику, прося оцѣнить по совѣсти и купить, а деньги, конечно, немедленно отдалъ «имъ». Для себя ему ничего не нужно было, и у него не было ничего...

Разсказываютъ, что онъ

какъ-то зашелъ къ одной дамѣ по дѣлу и, заговоривъ объ арестантахъ, вынулъ изъ кармана носовой платокъ —это была старенькая, рваная бѣлая тряпочка.

Хозяйка увидѣла это, продолжая слушать, обошла за спиною своего гостя, достала изъ комода хорошій батистовый платокъ и, молча взявъ изъ руки Гааза тряпицу, вложила взамѣнъ свой платокъ. Θедоръ Петровичъ улыбнулся,

ласково взглянувъ на нее, и сталъ продолжать разсказъ.

«Однако одного платка ему мало, онъ его потеряетъ, забудетъ!».. подумала хозяйка и, доставъ изъ комода еще одиннадцать платковъ, тихонько положила ихъ въ карманъ свѣсившейся фалды его фрака. Но Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки—и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схва-

тилъ добрую женщину за руки и голосомъ, котораго она никогда не могла забыть, проговорилъ:

— О, благодарю, благодарю!.. «Они» такъ несчастны!..

Онъ не могъ допустить, чтобы эта забота могла быть именно о немъ, а не о «нихъ», ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь!

XIII.

Въ началѣ августа 1853 года по Москвѣ разнеслась печальная вѣсть: Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ тяжело заболѣлъ. У него сдѣлался на шеѣ огромный карбункулъ, и надежды на излѣченіе не было...

Когда грустное извѣстіе достигло тюремъ и больницъ,—невозможно описать,

какое оно вызвало отчаяніе, сколько горькихъ слезъ пролито было въ страхѣ за дорогого больного, какъ горячо молились за его выздоровленіе... Въ пересыльной просили священника отслужить молебенъ. Отецъ Орловъ не зналъ, какъ ему поступить, потому что Гаазъ былъ не православный. Онъ отправился заявить о своемъ затрудненіи митрополиту Филарету.

Митрополитъ сначала

задумался, потомъ поднялъ руку для благословленія и восторженно сказалъ:

— Богъ благословилъ молиться о всѣхъ живыхъ— и я тебя благословляю! Когда надѣешься ты быть съ просфорой у Ѳедора Петровича?

Получивъ отвѣтъ, что въ два часа, прибавилъ:

— Отправляйся съ Богомъ! Мы съ тобой увидимся у Ѳедора Петровича!

И когда отецъ Орловъ, отслуживъ обѣдню и по-

молясь со слезами о больномъ, подъѣзжалъ къ квартирѣ Гааза, то карета владыки стояла уже у крыльца его стараго сотрудника и горячаго спорщика.

Но воля Господня неизмѣнна, и все въ жизни творится не нашимъ умомъ, а Его судомъ.

Странно было видѣть неутомимаго, энергичнаго Ѳедора Петровича не среди его несчастныхъ и больныхъ...

Самъ больной и ослабѣв-

шій, онъ сидѣлъ въ креслѣ за ширмой; на немъ былъ халатъ, а историческій парикъ не покрывалъ его прекрасной головы. Онъ очень страдалъ и мучился, но не показывалъ этого и крѣпился... Ни одна жалоба, ни одинъ стонъ не вырвался у него изъ груди... Только разъ онъ кротко сказалъ своему другу-доктору: «я не думалъ, что человѣкъ можетъ выносить такія страданія»...

Когда Өедоръ Петровичъ

почувствовалъ, что ему очень плохо, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату своей квартиры, открыть входныя двери и допускать къ себѣ всѣхъ, кто желаетъ его видѣть, проститься съ нимъ и услышать послѣднія слова утѣшенія...

Это были тягостныя, неизгладимыя изъ памяти минуты для всѣхъ знавшихъ его. Лицо его, какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и

добротою. Онъ ни слова не говорилъ о себѣ, о своей болѣзни... Онъ спѣшилъ наговориться о «нихъ», сдѣлать всѣ распоряженія о больныхъ и заключенныхъ... По этимъ распоряженіямъ видно было, что праведный старецъ сознаетъ, что онъ собирается въ далекій путь...

Страданія его были непродолжительны, и конецъ былъ тихъ и спокоенъ, и прекрасная душа отлетѣла къ Богу. 16 августа

Ѳедора Петровича не стало... Не стало истиннаго друга, защитника и ангела хранителя у несчастныхъ, страждущихъ и обремененныхъ.

На похороны Гааза стеклось болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Гробъ своего «святого» доктора бѣдняки несли на рукахъ до кладбища на Введенскихъ горахъ; убитая горемъ толпа тихо двигалась за этимъ гробомъ... И всюду слышались горькія рыданія...

Опустѣлъ скромный прiютъ Θедора Петровича— его квартирка, гдѣ такъ много страдающихъ находили облегченiе, ласку и помощь... Послѣ него не осталось никакого имущества, даже похоронить его было не на что, и сдѣлали это на казенный счетъ. Остались только — старое поношенное платье, немного книгъ и нѣсколько астрономическихъ инструментовъ. Старикъ имѣлъ слабость—по ночамъ смотрѣть

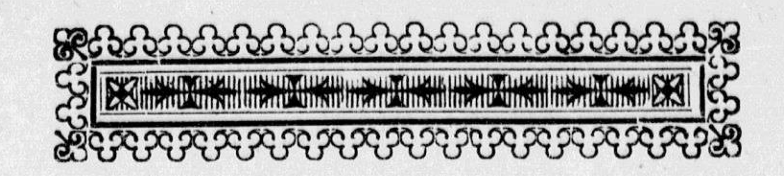
на небо, столь близкое, столь понятное его младенчески чистой душѣ, и, отказывая себѣ во всемъ необходимомъ, покупалъ иногда астрономическiе инструменты.

Послѣ Θедора Петровича осталось нѣсколько рукописей на французскомъ языкѣ, особенно трогательно его «Воззванiе къ женщинамъ».—«Торопитесь дѣлать добро! Любовь и состраданiе живутъ въ сердцѣ каждаго»... говорилъ онъ

въ этомъ сочиненіи, самъ своей чистой жизнью доказавъ это на дѣлѣ.

Когда вѣсть о кончинѣ Гааза достигла далекихъ рудниковъ Сибири, горе арестантовъ не имѣло границъ, они долго оплакивали Ѳедора Петровича, «своего святого» доктора, и на свои скудные гроши соорудили икону Ѳедора Тирона, и передъ ней до сей поры теплится лампада.

XIV.

Не рѣдко приходится слышать, что великіе подвиги и идеальные люди встрѣчаются только въ книгахъ... Книга не должна расходиться съ жизнью, и если присмотрѣться внимательно кругомъ, то очень часто въ глухихъ, безвѣстныхъ, скромныхъ уголкахъ, вдали отъ шумной, веселой

жизни встрѣчаются и идеальные люди и великіе подвиги. Надо умѣть ихъ найти.

Въ романѣ величайшаго изъ французскихъ писателей Виктора Гюго «Несчастные» есть трогательный разсказъ объ епископѣ Миріелѣ, пріютившемъ и обогрѣвшемъ у себя отбывшаго каторгу Жана Вальжана, котораго отовсюду прогонятъ, какъ только узнаютъ изъ его паспорта, что онъ былъ каторжникомъ.

Переночевавъ у епископа, жанъ Вальжанъ уходитъ и, искушенный видомъ серебряныхъ ложекъ, поданныхъ наканунѣ къ ужину, похищаетъ ихъ. Его встрѣчаютъ жандармы, заподозрѣваютъ и приводятъ къ епископу, но Миріель, движимый глубокимъ милосердіемъ, привѣтливо идетъ на встрѣчу виноватому и съ ласковой улыбкой спрашиваетъ: «отчего же, другъ мой, вы не взяли и серебряныхъ подсвѣчниковъ, ко-

торые я вамъ тоже подарилъ?»

Жанъ Вальжанъ пораженъ. Такое милосердіе такъ на него благотворно вліяетъ, что онъ, просвѣтленный, вступаетъ на новую жизнь.

Таковъ разсказъ, созданный талантливымъ французскимъ писателемъ... Но вотъ что случилось, по разсказамъ современниковъ Гааза, въ сороковыхъ годахъ, еще лѣтъ за 20 до появленія въ свѣтъ романа

Гюго. Въ Москвѣ въ Маломъ Казенномъ переулкѣ къ извѣстному доктору пришелъ бѣдный больной. Уходя изъ кабинета, онъ укралъ у него часы, но былъ захваченъ не успѣвъ выйти за ворота. Докторъ запретилъ посылать за полиціей, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о его поступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ за помощью и, въ заключеніе, взявъ съ него

честное слово болѣе не воровать, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры-хозяйки, всѣ наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями и сердечными наставленіями отпустилъ. Докторъ этотъ былъ не кто иной, какъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

Многіе, конечно, знаютъ трогательную легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ, разсказанную Флоберомъ и переведенную на русскій

языкъ И. С. Тургеневымъ. Она оканчивается такъ. Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго болѣзнью называемой проказой. Худыя плечи, грудь и руки путника исчезаютъ подъ чешуйками гноевыхъ прыщей и изъ зіяющаго, какъ у скелета, носа и синеватыхъ губъ отдѣляется зловонное дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, послѣ чего столъ,

ковшъ и ручка ножа покрываются гнойными пятнами. Юліану мучительно жаль несчастнаго, и онъ старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: «на твою постель!» и требуетъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ и грѣлъ бы его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается; «я умираю! — восклицаетъ онъ:—обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ тво-

имъ!» Юліанъ обнимаетъ его, и цѣлуетъ... «Тогда, — повѣствуетъ Флоберъ, — прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ, и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись, какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладана, и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣсню. Неизъяснимый восторгъ, нечеловѣческая

радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо»....

Это — легенда, это — трогательный поэтическій вымыселъ. А вотъ дѣйствительность... Въ пятидеся-

тыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ Екатерининскую больницу Москвы поступила больная крестьянская дѣвочка. Одиннадцатилѣтняя мученица эта была поражена рѣдкой и жестокой болѣзнью, извѣстной подъ названіемъ водяного рака. Въ теченіе пяти дней болѣзнь эта уничтожила цѣлую половину ея лица, вмѣстѣ съ хрящемъ носа и однимъ глазомъ. Несчастная дѣвочка испытывала жестокія боли; но

ужаснѣе всего то, что отъ нея распространялся такой ужасный запахъ, подобнаго которому не бываетъ ни при одной болѣзни. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ нѣжно любившая ее мать не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Только одинъ странный докторъ, посѣтившій случайно больную,

проникся къ ней безпримѣрнымъ состраданіемъ и пробылъ около нея болѣе трехъ часовъ сряду. Онъ сидѣлъ на ея кровати, обнималъ ее, цѣловалъ и благословлялъ. Докторъ навѣщалъ ее и въ слѣдующіе два дня, сидѣлъ также долго, ласкалъ ее, а въ третій день дѣвочка на его рукахъ скончалась. Этотъ милосердый докторъ былъ опять—Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

